

сѣдѣ. Огорченная маркиза бросала отчаянные взгляды на Савалю, ища предлога удалить дочь. Наконецъ она поняла, что это ей не удастся, и не зная, къ какой хитрости прибѣгнуть, сказала Сервиньи:

— Вы знаете, милый герцогъ, что я рассчитываю, что вы у меня ночуете. Завтра мы отправимся завтракать въ ресторанъ канотьеровъ въ Шату.

Онъ понялъ, улыбнулся и поклонился, сказавъ:

— Я къ вашимъ услугамъ, маркиза.

И день прошелъ вяло и скучно, съ грозой на носу.

Наступилъ наконецъ часъ обѣда. Хмурое небо было покрыто тяжелыми и неподвижными облаками; не чувствовалось ни малѣйшаго движенія воздуха.

Обѣдъ тоже былъ молчаливъ. Всѣ были какъ будто стѣснены, смущены, какъ будто подъ гнетомъ какого-то неопредѣленнаго страха.

Когда приборы были сняты, они остались на террасѣ, только изрѣдка перекидываясь словами.

Ночь надвигалась, душная ночь. И вдругъ на горизонтѣ огненная черта исполосовала небо, озаривъ ослѣпительнымъ и трепещущимъ свѣтомъ лица четырехъ людей, уже окутанныхъ мракомъ. Затѣмъ отдаленный шумъ, глухой и слабый, подобный грохоту кареты, проѣзжающей по мосту, пронесся надъ землей, и духота атмосферы какъ будто усилилась, воздухъ сдѣлался еще тяжелѣе, а вечерняя тишина еще глубже.

Иветта встала.

— Я иду спать, — сказала она, — гроза меня разстроиваетъ.

Она подставила лобъ маркизѣ, пожала руку обоимъ молодымъ людямъ и ушла.

Такъ какъ комната ея приходилась какъ разъ надъ террасой, то листья большого каштановаго дерева, росшаго у дверей, вдругъ озарились зеленоватымъ свѣтомъ и Сервиньи не спускалъ глазъ съ этого блѣднаго свѣта, въ которомъ порой ему казалось, что мелькала какая-то тѣнь. Но вдругъ свѣтъ погасъ. М-ше Обарди вздохнула съ облегченіемъ:

— Моя дочь легла спать, — сказала она.

Сервиньи всталъ:

— Съ вашего позволенія, маркиза, я сдѣлаю то же самое.

Онъ поцѣловалъ руку, которую она ему протянула, и исчезъ въ свою очередь.

Она осталась наединѣ съ Савалемъ среди ночной темноты.

Она тотчасъ же бросилась ему на шею и, обнавъ его обѣ-